

НОВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МОНОРЕДАКЦИЯ РЕДКОМЕГИЯ МОСК. ТЕАТР. ИЗД

№ 10 (113)

Москва, Кузнецкий Мост, 1/9. Телефон 5-78-84

№ 10 (113)

9 марта

3-Й ГОД ИЗДАНИЯ

1926 г.

Джаз-банд

Когда попадаешь из советских пределов заграницу—наши заграничные советские „старожилы“, знакомя приезжих со всеми достопримечательностями зарубежных столиц—под конец говорят еще обязательно также и о „настоящем джаз-банде“—и говорят о нем, почти как о символе западного развлечения. Ведь каждый городишко европейский в чем-в чем, а в смысле фокс-тrotta и джаз-банда почитает долгом чести своей быть абсолютно похожим на все большие и маленькие парижи и берлины.

Когда в первый раз, после революции, привелось мне попасть в Ригу, поражавшую мертвенностю, безжизненностью своей—то по общему почти признанию—и вовсе не злобствующему: по признанию самих рижских граждан—самым живым местом был dancing (дансинг)—говоря попросту „танцулька“. Когда по улице Риги в те недели проезжал автомобиль—это было чуть ли не событие в этом городе европейского захолустья. Но в... синге, в определенные часы, „сливки местного общества“, как ни... им не было—оттанцовывали бескровную свою жизнь и на этой „платформе“ превосходно находили „общий язык“ с обитателями великоледушавых консульских особыняков.

В Берлине тогда эта эпидемия проявлялась еще шире. В ту пору жесточайшего падения марки—было это в 1922—23 г. Берлин был наводнен людьми, которым немцы дали „видовое“ название, произносившееся с большой ненавистью: Starkwaluta ausländer—иностранные с твердой валютой.

Эта твердая валюта давала „победителям“ возможность за бесценок раскупать Германию „распивочно и на вынос“. „Победители“ не церемонились и ритм фокс-тrotta колыхался над жизнью центра Германии, так назойливо, что многие и многие не слышали за ним скрежета северных кварталов—кварталов рабочих; за грудами покупок, заваливших лимузины „высоких и знатных иностранцев“ не видели, что дрова в Нордене покупаются по полену, а трамвай для рабочего, стал недоступной роскошью. Но победность фокс-тrotta этим не заглушалась.

Теперь подобные же соотношения сил характерны для Франции, для „самой побежденной из стран победительниц“. Иностранные с твердой

валютой перекочевали из Берлина в Париж и какое дело этой людской саранче до того, что франк летит вниз, что французские рабочие кровью своей расплачиваются за военные долги Америке, что французским детям надо отучиться пить молоко. „Да здравствует фокс-тrott“.

А в Америке—в Америке разве не стал уже ритм фокс-тrotta ритмом национального гимна страны, опущшей золотом—страны в которой за этим золотом, за похотливыми и самоуверенными движениями фокс-тrotta есть и стиснутые зубы и стиснутые кулаки. Но это не важно—пока колыхается фокстrott, пока звучит джаз-банд...

В Константинополе этой осенью перед самым от'ездом нам предложили пойти посмотреть, как американская колония будет праздновать какой-то свой большой день. Поехали. Оказалось, что местом для празднования был выбран „самый фешенебельный“ бар Константинополя—просто говоря—самый дорогой кабак. И еще оказалось, что называется этот кабак „Максим“ и что открыт и содержит он неким негром Томасом, тем самым, который в дореволюционной Москве учил московскую буржуазию развлекаться в московском кабаке „Максим“.

Как трогательно! Мы не сомневаемся, что „ликвидированный“ в Москве Томас нашел достойных и сочувствующих клиентов в членах американской колонии. У входа нас оглядели очень скептически—„дамы в бальних туалетах, мужчины в черном“—так гласил закон „фешенебельного“ кабака.

Мы заверили охраняющего входы, что отнюдь не собираемся участвовать в высоком американском торжестве. А наш спутник сообщил, что по высокому мнению самого мистера Х. нам, как иностранцам из далекой и дикой страны совершенно необходимо лично увидеть, как культурно развлекаются культурные представители на востоке величайшей из великих держав.

По нашей просьбе нас провели на балкон, откуда мы наблюдали все, что делалось в саду. Посередине сада был устроен большой деревянный помост. Вокруг него, под цветными лампами стояли столики. В глубине сада был расположен в большой раковине оркестр—джаз-банд из 18 музыкантов.

OKX

— „Специально выписан“.

Не знаю — был ли действительно специально выписан этот оркестр, но играл он замечательно. И когда он играл — от столов шли к помосту пары и начинали „творить“ танец, стараясь двигаться как можно бесстрастнее, как можно прямее — и диким, бессмысленным издевательством казалось противоречие между ярким, живым, многоцветным звучанием джаз-банда и мертвыми движениями сущеных американских разнаряженных мумий.

Мы быстро удовлетворились этим „праздеством“ — нового в „культурном времяпрепровождении“ американской колонии было немного. В тот вечер стало особенно, несомненно, ясно, что все фокс-тротты с джаз-бандом связаны случайно.

Что их связало? Можно только догадываться. Если верно, что танец, как целый ряд других проявлений коллективной жизни — рисует психологию эпохи то, есть последовательность в том, что довоенный тянучий, медлительный танго, в котором замечательно выражались всякие „томления“ класса, которому величайшей заботой было развлекать свою бездельную тоску, сменился в разгаре войны и после нее более активным, более четким и энергичным фокс-гроттом со всеми его разновидностями. Но совершенно естественно, в новый танец была полностью перенесена тема танца прежнего и это его во многом обесцветило. Старая истинка — любое слово можно произнести на десять ладов. Любой танец можно танцевать самыми различными образами.

Новый танец потребовал новой музыки. Мистическая истонченность модернистов, нереальные звучности влекли за собой реакцию. Реакция склонна к крайностям и место сугубой туманной утонченности заняли жесткие рубленые метры, кричащая окраска звука, выходка, выкрик.

Наряду с ростом интереса ко всему экзотическому, возникло увлечение негритянской музыкой. Возможно, что некоторую роль привелось тут выполнить и появлению в европейских армиях чернокожих колонн, пришедших из Сенегалии и Банту со всеми своими навыками и песнями.

В музыке негров, одной из самых примитивных, пожалуй жив и ярок ее корень — песни-спутницы работы. Как не услышать в этом четком движении на четыре четверти мерного опускания заступа в землю четырьмя людьми, стоящими квадратом? Или — мерного стука топоров вперемежку, сопровождаемого гортанными выкриками?

Самая окраска звука негритянских инструментов совсем особая. Ведь негры создали целый ряд оригинальных инструментов, начиная от простого лука, который берется в зубы, при чем грудная клетка служит резонатором для тетивы, играющей роль струны — до многострунных туземных арф, для которых резонаторами являются разной величины выдолбленные сухие тыквы.

Помимо этого — разные духовые инструменты — своеобразные трубы, рожки, флейты и великое множество барабанов, играющих первостепенную роль в негритянской музыке.

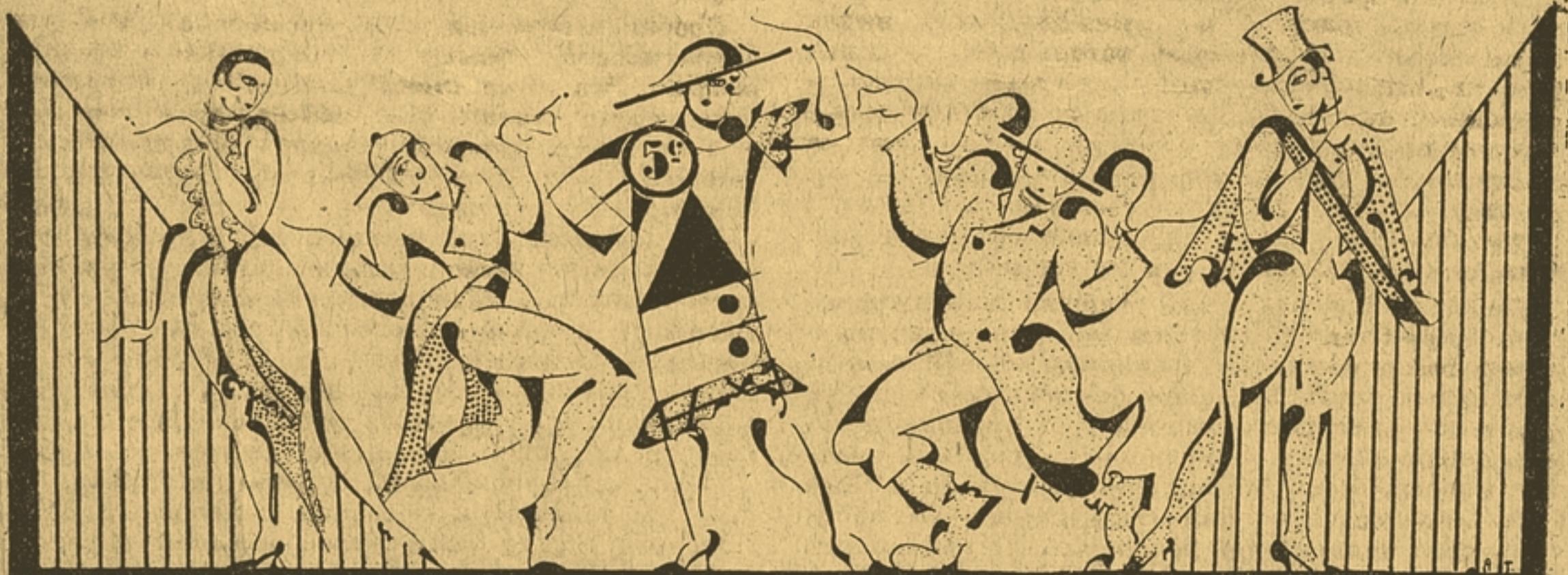
Джаз-банд взял у негритянских инструментов все то, что дает им звуку оригинальную окраску и применил эти приемы к усовершенствованным инструментам современного оркестра. Наряду с обычными сурдинами разной формы и величины, полые металлические приспособления, применяемые к обычному тромбону и корнет-а-пистону дают им совершенно новый звук.

Барабаны, большой и маленький, уснащаются медными тарелками, берестяными бубнами, медными полыми футлярчиками, по форме напоминающими альпийские бубенцы и т. д.

Все это вместе взятое дает возможность достигать интереснейших результатов в смысле колористического контрапункта, если такой термин не покажется нашим правоверным музыкантам слишком возмутительным. Ведь в самом деле, гармоническое своеобразие негритянской музыки само по себе, конечно, не давало бы такого эффекта, если бы оно не было соединено со своеобразнейшим сочетанием не-привычных окрасок звука и с замечательнейшей ритмической основой.

Надо тут же оговориться, что в ~~своем~~ проценте именно эта окраска звука позволяет проводить в ~~своем~~ качестве негритянской музыки то, что ~~своим~~ ничего общего не имеет ни с негритянской

Рис. А. Талдыкина

Гос. Еврейский театр

Х Заповедь

мелодией, ни с негритянской гармонией: инструментальный колорит тут искупает все грехи. Так и произошло, что обыкновеннейший салонный мотив в „соответствующем“ движении в исполнении джаз-бэнда теперь сходит за негритянскую музыку.

Не очень уж важно, что к чему пристало: джаз-банд к фокс-тrottу или наоборот. Но надо сказать, что связь оригинальнейшей музыкальной (сильно этим опошленной, профанированной и осколленной) — культуры с пустым и плоским танцем — пошла в ущерб музыке. Ее так связали этим танцем, что она почти потеряла права на самостоятельное существование, а это несправедливо. Эта музыка стоит большего, чем быть только звуковым фоном для телодвижений, ставших почти символом определенного класса в определенную эпоху. Искусство восемнадцати артистов джаз-бэнда в Константинопольском саду стоило всех американских мистеров со всеми их дамами, чванно ползущими по деревянному помосту.

Нам нужно отделить понятие „джаз-банд“ от представления о „фокс-тrotte“. „Судьба“ действительно связала их, но это не закон для нас. Музыка джаз-бэнда — больше чем аккомпанемент для фокс-тrotta, так широко использованного всеми нашими театрами в качестве характеристики „гнилого и разлагающегося буржуазного мира“.

О том, что давно пора заполнить пробел в нашей прессе в области искусства и заговорить о джаз-банде широко и серьезно, критически — многие толкуют уже не первый год.

Теперь в Москву приехал небольшой негритянский ансамбль — это дает конкретный повод для статей о джаз-банде.

Этот джаз-банд состоит всего из пяти человек и это очень отражается на глубине звучания, не давая тех полных эффектов, какие достигаются в большом джаз-банде. Вместо обычных трех саксофонов — здесь только один: один тромбонист, один трубач, один ударник и один пианист. Все они — настоящие и отличные музыканты и в смысле ритмической четкости их исполнение великолепно. Ударник почти эквилибристически справляется со всем набором своих инструментов, а огромная фортепианская техника самого черного и самого толстого из джаз-бандистов видна даже сквозь все те штуки, которые он проделывает на клавиатуре своей огромной кистью и широкими пальцами, на которых особенно выделяются розовые „как у негра“ ногти. Это не удивительно, если верно, как мне говорили, что он окончил консерваторию Нью-Йорка. Пианист и тромбонист — также и композиторы и джаз-банд исполняет целый ряд их вещей.

Одной из особенностей вещей, исполняемых этим джаз-бандом, является то, что все они — почти без исключения — заканчиваются в тонике, в то время, как в большом числе вещей, которые мне пришлось слышать в исполнении других джаз-бандов — окончание какимнибудь совершенно неожиданным интервалом, быстрой и неразрешенной фигурой одного инструмента — создавало интереснейшую своеобразность.

Вместе с джаз-бандом выступает известная Москве очень культурная певица-негритянка Корретти Арле-Тиц. Ее песни, сопровождаемые джаз-бандом, в частности одна из них — „Let my people“

Театр Революции „Воздушный пирог“

Актёр К. А. ЗУБОВ в роли „Семёна Рака“

го“ — („Дорогу моему народу“) подтверждают — если это нуждается в подтверждении — то, что я уже сказал — что джаз-банд есть и может быть чем то гораздо более значительным, чем аккомпанемент для танца, эпидемически полонившего запад. Но, конечно джаз-банд в существующем виде и все, что под этим названием сходит в качестве большого искусства мы принять не можем. Если бы джаз-банд вернулся к оригинальным инструментам негров, если бы он отошел от ставшего привычным приспособления к танцу, если бы он вернулся к негритянскому языку, — он мог бы вновь обрести теряемые им постепенно черты подлинного своеобразия.

Особая и большая тема — вопрос о влияниях негритянской музыки на современную музыку вообще. Эта тема стоит особого рассмотрения; одно можно сказать уже сейчас: несомненно, что в том сдвиге, который рельефен в современной западной музыке от мистической-расплывчатой бесплотности к полнокровному и четкому размеру, к квадратному ритмическому построению — влияние экзотической музыки явно и велико. В частности это доказывается рядом пьес фокстроттного типа, написанных выдающимися современными композиторами.

Народное творчество негров, в том виде, как оно сейчас показывается в Европе — засорено не нужной ветошью и притушено пошлыми влияниями. Это жаль. Чем скорее оно от этой зависимости освободится, чем скорее оно очистит замутненные родники народного склада — тем будет оно плодотворнее, тем шире станут его возможности.

А. ЦУКНЕР